

Сінькова Л. Д. Паміж тэкстам і дыскурсам: беларуская літаратура XX–XXI стст. Мінск, 2013.

Тюпа В. И. Анализ художественного текста. М., 2009.

Шаўлякова-Барзенка І. Л. Канцэпт між-быцця ў «гісторыяцэнтрычнай» беларускай прозе першага дзесяцігоддзя XXI стагоддзя: мастацкія перспектывы нацыянальнага міфа // Наукowy вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. 2011. № 11. С. 133–138.

Паступіў у рэдакцыю 18.03.2014.

Лада Віктараўна Алейнік – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай літаратуры і культуры.

УДК 821(100)

Е. А. БОРИСЕЕВА

РОМАН ИНИЦИАЦИИ: ПРОБЛЕМА ЖАНРОВОЙ АТРИБУЦИИ

Рэзюме. Предложено первое в белорусском литературоведении обоснование категории «роман инициации». Анализируются степень изученности данной жанровой формы зарубежными учеными и оцениваются перспективы ее исследования для белорусской науки. Представлен генезис романа инициации и определено его место в системе романских форм (разведены роман инициации и роман воспитания). Традиционная жанровая модель романа инициации (система персонажей (герой, посредник, дева), сюжетная структура поиска, параболическая композиция, пространственно-временная организация, обусловленная антитезой профанного и сакрального) дополняется таким элементом, как параболическая композиция. Теоретические посылки подтверждаются обращением к художественным произведениям, представляющим разные национальные литературы («Волхв» Дж. Фаулза, «Пятница, или Тихоокеанский лимб» М. Турнье, «Золотоискатель» Ж.-М. Г. Леклезю, «Жутко громко и запредельно близко» Дж. С. Фоера, «Авантюры Пранціша Вырвіча, шкаляра і шпега» Л. Рублевской). Роман инициации вписывается в историко-литературный контекст XX в. и рассматривается в тесной взаимосвязи с основными тенденциями в развитии литературы.

Ключевые слова: роман инициации; жанр; жанровая форма; роман воспитания; система персонажей; сюжет поиска; параболическая композиция; пространственно-временная организация; сакральное и профанное; экзистенциальный опыт.

Abstract. The author of the article offers the first expanded definition of the «initiation novel» concept in Belarusian literary criticism; Alena Baryseyeva concentrates on the coverage of this issue by foreign scholars and evaluates the prospects of its research in our science. Much attention is given to the genesis of the initiation novel and its place in the system of novel forms (the novel of initiation and the «Bildungsroman» are presented as different genre forms). The main focus of this article is on the creation of its genre model whose basic elements are the system of characters (the hero, the intermediary, the maiden), the quest plot, parabolic composition, the chronotope based on the antithesis of the profane and the sacred. The theoretical hypothesis is proven by the appeal to literary works representing different national literatures (J. Fowles «The Magus», M. Tournier «Friday, or The Other Island», J.-M. G. Le Clézio's «The prospector», J. S. Foyer «Extremely Loud and Incredibly Close», L. Rublevskaya «The Adventures of Prancish Vyrvich, a scholar and a spy»). The novel of initiation is being analysed in close correlation with the main tendencies in the literary process of the 20th century.

Key words: novel of initiation; genre; genre form; Bildungsroman; system of characters; quest plot; parabolic composition; chronotope; the sacred and the profane; existential experience.

Жизнь романного жанра в литературном процессе XX в. очень насыщенная: оформляются новые жанровые формы (роман-притча, роман-миф, роман-антиутопия, роман-апокриф, роман-репортаж), обретают «второе дыхание» автобиографический, эпистолярный, детективный, пикарескный романы, в рамках одного произведения активно взаимодействуют различные жанровые структуры. Одним из перспективных направлений жанровой теории является разработка концепции романа инициации: в западном литературоведении он с завидным постоянством оказывается предметом литературоведческих штудий (ведутся научные дискуссии, публикуются монографии и защищаются диссертации, в учебных заведениях по обе стороны Атлантики предлагаются курсы по его изучению). В последние два десятилетия возрастает интерес к роману инициации среди восточноевропейских исследователей (см. Hodrová 1993; Силард 2003). В российском литературоведении наряду с понятием «роман инициации» используется термин «роман посвящения» (см. Литвиненко 1999; Литвиненко 2009). Внимание ученых сосредоточено на построении жанровой модели романа инициации. Для белорусского литературоведения обращение к понятию «роман инициации», теоретическая и практическая разработка данной формы весьма актуальны, поскольку жанровые структуры романа инициации можно выявить в романах белорусских авторов («Хрыстос прызямліўся ў Гародні» В. Короткевича, «Забіць нягодніка, альбо Гульня ў Альбарутэнію» и «Авантюры Пранціша Вырвіча, шкаляра і шпега» Л. Рублевской, «Рыбін горад» Н. Бабиной) так же, как и в произведениях других национальных литератур («Волхв» Дж. Фаулза, «Пятница, или Тихоокеанский лимб» М. Турнье, «Золотоискатель» Ж.-М. Г. Леклезю, «Банановый рай» П. Констан, «Жутко громко и запредельно близко» Дж. С. Фоера).

Толчком к разработке проблемы романа инициации в западном литературоведении стали достижения ритуально-мифологической школы и интерес к обряду инициации со стороны ряда научных дисциплин: философии, антропологии, истории религий, фольклористики (труды Р. Генона, Дж. Фрэзера, М. Элиаде, Дж. Кэмпбелла, А. ван Геннепа, В. Я. Проппа). Роман инициации изучался не одним поколением французских литературоведов (Л. Селье, С. Вьерн, Л. Деом, Ж. Жак). Наиболее авторитетным исследованием этой жанровой формы в западном литературоведении остается работа С. Вьерн «Ритуал, роман, инициация» (см. Vierre 1987), выдержавшая три издания, что само по себе свидетельствует об устойчивом интересе к данной проблеме (первое издание осуществлено в 1973 г., третье – в 2000 г.).

Роман инициации предполагает радикальное изменение статуса личности, обусловленное поисками скрытого смысла жизни и своего места в ней, и процесс этих поисков развивается по сценарию инициационного ритуала. Собственно этот ритуал и отражает, по словам М. Элиаде (а именно его исследования стали отправной точкой в теории романа инициации, разработанной французскими литературоведами), осознание человеком собственной «незавершенности»: «...родившись, человек еще не завершён, он должен родиться еще раз, духовно» (Элиаде 1994, 112). Л. Деом отмечает, что о романе инициации речь может идти в случае, если имеет место изменение одной или нескольких главных черт главного героя «через посредство испытаний, символически отсылающих к смерти»* (Déom 2005, 80).

Концепция становящейся личности характерна и для романа воспитания: обе романские формы представляют героя в развитии. При этом французские литературоведы последовательно разграничивают роман инициации и роман воспитания (см. Vierge 2000; Jacques 2005, 65–11). Действительно, если роман воспитания акцентирует внимание на процессе становления личности, ее социализации «на протяжении сравнительно большого отрезка времени и пространства – от юных лет героя до наступления духовной и физической зрелости» (Пашигорев 1990, 40), то для романа инициации важен сам этап перехода, момент радикального перерождения личности. По утверждению Л. Селье, «роман может называться инициационным, когда герой умирает, чтобы возродиться» (Cellier 1977, 125).

Роман инициации взаимодействует со структурами авантюрного романа, пикарески, детектива, что обусловлено и спецификой сюжетной организации романа инициации, основу которой составляет Поиск. Сюжетно-композиционная матрица романа инициации построена в соответствии с ритуалом посвящения, который включает три обязательных момента: подготовку адепта к испытаниям, «символическую смерть», возрождение в новом статусе. Этап подготовки предполагает отделение адепта от материнского дома и профанного мира. Далее герой вступает в фазу основных испытаний, цель которых – обретение нового знания, знания посвященных. Поскольку «доступ к духовной жизни всегда предполагает смерть для мирской жизни, за которой следует новое рождение» (Элиаде 1994, 125), важнейшим элементом посвящения является символическая смерть, имеющая различные варианты воплощения: возвращение в эмбриональное состояние, сошествие в Ад, блуждание по лабиринту, путешествие в зазеркалье. Третий этап связан с духовным возрождением героя, которое обусловлено обретением сокровенного Знания: «Посвящение равноценно духовному возмужанию; оглядываясь на всю религиозную историю человечества, мы постоянно встречаем эту идею: посвященный тот, кто узнал тайны, т. е. тот, кто знает» (Элиаде 1994, 117). Путь поиска Знания отражается в параболической композиции романа инициации, где вершина параболы – символическая смерть героя, а крайние точки – расставание с профанным миром и возрождение в новом статусе.

Помимо героя-неофита в романе инициации обязательно присутствие его наставника, который, будучи сам причастен сакральному миру, призван стать проводником адепта и открыть перед своим ведомым тайны бытия. Наставник является посредником между двумя мирами: профанным и сакральным (образ Кончиса в романе Дж. Фаулза «Волхв»). Проводник может и лично сопровождать героя, помогая ему в прохождении испытаний (в романе Л. Рублевской «Авантюры Пранціша Вырвіча, шкаляра і шпега» алхимик Бутрим Лёдник, проданный за монету юному шляхтичу Вырвичу, шаг за шагом приобретает своего недоучившегося хозяина к Знанию, формируя его как гармоничную личность). Но наставник может вести неофита и посредством знаков: их расшифровка становится дополнительным испытанием для иницилируемого – это своего рода код, пропуск в мир сакрального, личное присутствие проводника в этом случае излишне (такими знаками для героя «Золотоискателя» Ж.-М. Г. Леклезю оказываются карты Неизвестного Корсара, сокровища которого Алексис и отправляется разыскивать).

Также система персонажей романа инициации часто дополняется образом Девы – хранительницы сокровенного знания (см. Hodrová 1993): Ума, живущая вне цивилизации по извечным законам природы, встреча с которой дарует герою ощущение первозданной гармонии природного мира («Золотоискатель» Ж.-М. Г. Леклезю); Саломея Ренич, в образе которой совмещены черты мира профанного (полоцкая мещанка) и мира сакрального (таинственная Сильфида) («Авантюры Пранціша Вырвіча, шкаляра і шпега» Л. Рублевской).

Особое значение для романа инициации имеет пространственно-временная организация, построенная на антитезе двух миров: здесь горизонтальному линейному времени конкретно-исторического профанного мира противопоставлено вертикальное нелинейное время сакрального мира. Время профанного мира необратимо, тогда как в сакральном мире герой обретает возможность преодолеть пространство и время («головкружительный прыжок во времени» Алексиса – героя-неофита «Золотоискателя» Ж.-М. Г. Леклезю; портал времени в романе Л. Рублевской «Забіць нягодніка, альбо Гульня ў Альбарутэнію»; эпистолярный, размыкающий пространство и время, в романе Дж. С. Фюера «Жутко громко и запредельно близко»). На дихотомии профанного и сакрального создает свой роман инициации М. Турнье. Его произведение «Пятница, или Тихоокеанский лимб» представляет собой деконструкцию романа Д. Дефо «Робинзон Крузо»: если у английского писателя XVIII в. герой существует в горизонтальном историческом времени и осваивает материальную среду, то Робинзон М. Турнье открывает первозданный природный мир и постигает с помощью Пятницы интуитивное знание жизни, «поселяясь в вечности» острова.

* Здесь и далее перевод наш. – Е. Б.

Становление романа инициации связано с развитием личностного начала в литературе. Истоки этой жанровой формы французские исследователи обнаруживают в античном романе Апулея «Метаморфозы, или Золотой осел» и куртуазном романе Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль». Рост интереса к инициационному сценарию в эпоху романтизма (Новалис, Э. Т. А. Гофман, В. Гюго, Жорж Санд) не в последнюю очередь связан с провозглашением самоценности духовной составляющей личности. Актуализация романа инициации в литературном процессе XX в. задана основными тенденциями в развитии изящной словесности этого периода: речь идет, во-первых, о направленности литературного процесса от типизации к мифологизации, что предполагает стремление выйти к универсальным основам бытия, показать человека «перед взором небес»; во-вторых, о субъективизации повествования, имеющей в виду «воссоздание мира не столько в его объективной данности, сколько преломленного сознанием субъекта» (Шевякова 2002, 7). Обозначенные тенденции обретают наиболее полное воплощение именно в романе инициации, поскольку этой форме присуща мифологизация личностного опыта (см. Литвиненко 1999; Литвиненко 2009). Появление ярких образцов романа инициации во второй половине 1960-х–80-е гг. (названные романы Дж. Фаулза, М. Турнье, Ж.-М. Г. Леклезю и П. Констан) отражает характерный для этого периода процесс реабилитации сюжета и интриги, ставший результатом кризиса неоавангардизма.

Французское литературоведение широко применяет понятие «роман инициации», что, на наш взгляд, обусловлено природой романного жанра, который «в целом характеризуется концепцией столкновения человека (частного, а не универсального) с обстоятельствами (конкретными, а не мифологически обобщенными) и идеей испытания, воплощенными в традиционном романе в более или менее устойчивом событийном сюжете, а в новом – принимающими, как правило, форму духовного поиска» (цит. по: Косиков 2002). Более того, С. Вьерн утверждает, что вся литература держится на Инициации, отражающей саму суть человеческого бытия и проникающей из глубин бессознательного в художественное произведение (см. Vierre 1987, 5). По ее словам, «инициация является ответом, полученным вне рациональной аргументации, на стремление человека к изменению, когда он мечтает ускользнуть от увязания в повседневности» (Там же, 93). На самом деле инициационный сценарий составляет основу эпоса («Эпос о Гильгамеше») и сказки, а затем через посредство сказки переходит в куртуазный роман (см. Косиков 2002). На наш взгляд, в отношении античного и средневекового романов можно говорить лишь об использовании инициационной матрицы, поскольку в этих исторических типах романа, как и в эпосе, герой является неизменяемой, «готовой» величиной, здесь «самый характер человека, его изменение и становление не становятся сюжетом» (цит. по: Косиков 2002). Между тем инициационный сценарий не является основанием для выделения жанровой формы романа инициации, поскольку сознательное или бессознательное обращение к нему связано с архетипической сущностью инициации. Роман инициации, безусловно, подготовлен исканиями романтизма. Освоение личностного пространства героя выходит у романтиков на первый план, но сакральное, будь то философская либо социально-философская идея, выносится вовне, за пределы личностного бытия. Поскольку жанр «непосредственно реагирует на эстетическую концепцию личности» (Лейдерман 1982, 75), можно говорить о том, что окончательное оформление романа инициации, начатое романтиками, завершается в XX в., чему способствуют такие литературные процессы, как углубление психологизма (в первую очередь художественная рецепция идей З. Фрейда и К.-Г. Юнга), освоение новой концепции времени (время линейное, необратимое сменяется временем нелинейным, циклическим, обратимым), ослабление социально-исторического контекста (концепция Ж.-П. Сартра о необусловленности человеческой экзистенции внешними социально-историческими обстоятельствами). На наш взгляд, жанровая модель романа инициации оказывается наиболее адекватной формой для освоения экзистенциального опыта – центральной проблемы романа XX в.: «Экзистенциальный опыт, в ходе которого человек проясняет для себя смысложизненные ценности, – это личная история существования, реальности существования, примирения с существованием, непрерывного прислушивания к жизни, состояний духовной пробужденности, преодоления тревоги, вызванной непониманием смысла, ответственностью, страхом смерти» (Касавина 2013, 71). Предельно субъективизируется и само понимание Сакрального в XX в.: «Сакральное, если оно настоящее, аутентичное <...> это человеческое беспокойство, возможность задавать вопросы о смысле и благодаря этому постоянно возрождаться» (цит. по: Юлия Кристева 2005).

Лейтмотивом романа инициации XX в. становится постижение экзистенциальной истины через освоение личностного опыта, причем в каждом конкретном случае сокровенное знание о мире и о себе, которое обретает герой, обусловлено авторской концепцией. Французские прозаики М. Турнье и Ж.-М. Г. Леклезю радикальное изменение личностного статуса героев связывают с их отказом от ценностей западной цивилизации и постижением первозданной гармонии природного мира, у белорусской писательницы Л. Рублевской сакральное обосновано национально-исторической идеей, у француза Э.-Э. Шмитта и американца Дж. С. Фоера инициация предполагает принятие субъективности Другого. Выявление строгой жанровой системы, куда наряду с традиционно выделяемыми «носителями жанра» (система персонажей (герой, проходящий инициацию, – изменяемая величина, посредник и дева – неизменяемые величины), сюжетная структура поиска, пространственно-временная организация, основанная на противопоставлении профанного и сакрального) включается параболическая композиция, позволяет говорить о правомерности выделения романа инициации как особой жанровой формы, в развитии которой отражены характерные особенности литературного процесса XX в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Касавина Н. А. Экзистенциальный опыт: переживание пути и становление структуры // *Вопр. философии*. 2013. № 7. С. 63–72.
- Косиков Г. К. К теории романа [Электронный ресурс]. 2002. Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_Kosikov_Roman.htm (дата обращения: 23.04.2013).
- Лейдерман Н. Д. Движение времени и законы жанра. Жанровые закономерности советской прозы в 60–70-е годы. Свердловск, 1982.
- Литвиненко Н. А. Французский исторический роман первой половины XIX века: эволюция жанра : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.05. М., 1999.
- Литвиненко Н. А. «Графиня Рудольштадт» Жорж Санд: особенности романной поэтики // *Вестн. МГУ им. М. А. Шолохова. Сер. Филол. науки*. 2009. № 3. С. 29–51.
- Пашагорев В. Н. Философские и литературные предпосылки немецкого романа воспитания // *Филол. науки*. 1990. № 2. С. 36–43.
- Силард Л. Тайнопись М. Булгакова и наследие символизма. Проблемы романа инициации // *Russica romana X. Roma*, 2003. С. 105–125.
- Шевякова Э. Н. Поэтика современной французской прозы. М., 2002.
- Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.
- Юлия Кристева: изоляция, идентичность, опасность, культура... : беседа с Ю. Кристевой // *Вестн. Европы [Электронный ресурс]*. 2005. № 15. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2005/15/kri26.html> (дата обращения: 27.11.2013).
- Cellier L. *Parcours initiatiques*. Neuchâtel, 1977.
- Déom L. Le roman initiatique: éléments d'analyse sémiologique et symbolique // *Cahiers électroniques de l'imaginaire: Rite et littérature*. 2005. № 3. P. 73–86.
- Hodrová D. *Román zasvěcení. Jinočany*, 1993.
- Jacques G. *Theorie et pratique du roman initiatique. De la nécessité des nuances* // *Cahiers électroniques de l'imaginaire: Rite et littérature*. 2005. № 3. P. 65–71.
- Vierne S. *Rite, roman, initiation*. Grenoble, 1987.
- Vierne S. *Rite, roman, initiation*. Grenoble, 2000.

Поступила в редакцию 18.03.2014.

Елена Александровна Борисеева – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы.

УДК 821.161.11

И. А. СЕРЕДА

ГЕРОЙ И СОЦИУМ В РОМАНАХ ВЛАДИМИРА МАКАНИНА 1990–2010-х гг.

Резюме. Исследуются модификации характерных для творчества В. Маканина типов героев: аутсайдер, «новый русский», стукач, постсоветский интеллигент. Указанные разновидности выявлены посредством анализа образов ключевых героев романов писателя 1990–2010-х гг. и рассмотрены в аспекте взаимоотношений личности и общества. На материале романов «Андеграунд, или Герой нашего времени», «Асан», «Две сестры и Кандинский» прослеживается стремление В. Маканина показать особенности влияния социально-исторических процессов позднесоветской и постсоветской эпох на современников. Одни герои у него копируют внешнюю среду, в том числе и аморальные явления, другие хотят отстоять нравственную жизненную позицию и нередко вытесняются на обочину.

Ключевые слова: тип героя; роман; герой – социум; аутсайдер; «новый русский»; стукач; постсоветский интеллигент.

Abstract. In this article the modifications of typical V. Makanin's characters, such as outsider, «the new Russian», snitch and post-Soviet intelligent (intellectual) are researched. These variations are analyzed on the example images of the main heroes of V. Makanin's novels of 1990–2010 in the aspect of relationship between person and society. Writer's tendency to show the peculiarities of the influence of socio-historical processes of the late Soviet and post-Soviet periods on his contemporaries are analyzed in novels «Underground, or A Hero of Our Time», «Asan», «Two Sisters and Kandinsky». Some heroes copy the environment, including immoral phenomena, others want to assert their moral life position and often are marginalized.

Key words: type of hero; novel; person – society; outsider; «the new Russian»; snitch; post-Soviet intelligent (intellectual).

Современная русская литература акцентирует внимание на проблеме бытия человека в условиях переходной культурно-исторической эпохи. Постсоветская действительность выдвинула на авансцену новые типы, что отразилось в многочисленных попытках их концептуального осмысления. В числе авторов, выявивших некоторые характерные для нашего времени человеческие типы, и Владимир Маканин, который интересуется частной жизнью человека, пытающегося не потерять себя во все более стандартизирующемся и омассовляемом обществе.

Художественный мир В. Маканина подчеркнута антропоцентричен («Антилидер», «Человек свиты», «Гражданин убегающий» и др.). Как правило, в центре произведения у него один или несколько наиболее значимых и разработанных образов, несущих основную идейно-смысловую нагрузку текста.

Тип героя произведений В. Маканина стал одной из наиболее обсуждаемых тем в литературоведении и критике 1980–2010-х гг. (В. Бондаренко, Л. Аннинский, И. Роднянская, А. Генис, Е. Гессен, Н. Балащенко, Е. Кравченко и др.), однако развернутой классификации маканинских персонажей до настоящего времени нет.